

Approaches to determining the main direct object of escape (Article 313 of the Criminal Code of the Russian Federation): importance for law enforcement practice and improvement of legislation

E. A. Melnikov¹

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-4-614-621

Research article
Full text in Russian

The article examines the issue of the object of the crime under Article 313 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is concluded that, depending on the circumstances of the committed act, it may encroach on a different group of social relations. So, if an escape is committed from places of deprivation of liberty, then this act encroaches on public relations that characterize the authority of justice. If the escape is committed from the place of detention by the accused, in respect of whom a preventive measure in the form of detention has been chosen, then this act is aimed at obstructing the administration of justice. A differentiated approach to determining the object of a crime under Article 313 of the Criminal Code of the Russian Federation is of great practical importance. In the first case, if the criminal prosecution and subsequent conviction are found to be illegal, for example, due to the absence of corpus delicti, then it is possible to raise the issue of releasing a person from criminal responsibility for escape due to the absence of corpus delicti (there is no subject of the crime). In the second case, under similar circumstances, a person may be subject to criminal liability (provided that at the time of choosing the preventive measure there were legitimate grounds for its application).

Keywords: escape; crime against justice; preliminary investigation; place of detention; criminal responsibility; authority of justice; place of imprisonment

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Melnikov, Eugene A. | E-mail: evgmelnikov.1985@mail.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence)

Подходы к определению основного непосредственного объекта побега (ст. 313 УК РФ): значение для правоприменительной практики и совершенствования законодательства

Е. А. Мельников¹

¹МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-4-614-621
УДК 343.36

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье исследуется вопрос об объекте преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ. Делается вывод, что в зависимости от обстоятельств совершенного деяния оно может посягать на разную группу общественных отношений. Так, если побег совершается из мест лишения свободы, то данное деяние посягает на общественные отношения, характеризующие авторитет правосудия. Если же побег совершен из места содержания под стражей обвиняемым, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, то данное деяние направлено на воспрепятствование осуществлению правосудия. Дифференцированный подход к определению объекта преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, имеет важное практическое значение. В первом случае если уголовное преследование и последующий обвинительный приговор будут признаны незаконными, например, ввиду отсутствия состава преступления, то возможна постановка вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности и за побег – ввиду отсутствия состава преступления (нет субъекта преступления). Во втором случае при аналогичных обстоятельствах лицо может подлежать уголовной ответственности (при условии, что на момент избрания меры пресечения имелись законные основания для её применения).

Ключевые слова: побег; преступление против правосудия; предварительное расследование; место содержания под стражей; уголовная ответственность; авторитет правосудия; место лишения свободы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мельников, Евгений Александрович	E-mail: evgmelnikov.1985@mail.ru Кандидат юридических наук, доцент кафедры экономических и финансовых исследований ВШГА
----------------------------------	---

Правильное определение основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, имеет важное практическое значение.

Некоторые специалисты полагают, что данное деяние посягает на «нормальную деятельность учреждений, ведающих исполнением наказания ввиду лишения свободы, а также органов суда и следствия» [1, с 38]. Определение объекта посягательства подобным образом фактически ставит побег в один ряд с преступлениями, посягающими на порядок управления (гл. 32 УК РФ). Однако преступление, предусмотренное ст. 313 УК РФ, помещено законодателем в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия», соответственно, по объекту посягательства оно должно отличаться от деяний, посягающих на порядок управления.

Если бы побег относился к преступлениям против порядка управления, то лица, его совершившие, привлекались бы к уголовной ответственности за побег вне зависимости от законности применения к ним мер государственного принуждения.

В связи с этим в некоторых доктринальных источниках отмечается, что побег не может являться «актом необходимой обороны (ст. 37 УК РФ) от незаконных действий органов правосудия, так как имеется надлежащий правовой инструментарий для разрешения указанного правового конфликта – порядок обжалования судебного акта» [2].

В этой логике лицо должно привлекаться к уголовной ответственности за побег даже в тех случаях, когда в ходе уголовного судопроизводства меры государственного принуждения применены к нему заведомо незаконно (например, в отсутствие надлежащим образом оформленных процессуальных документов; сверх сроков, установленных законом или постановлением суда, и т. д.).

Подобная позиция представляется не в полной мере обоснованной и соответствующей принципу справедливости. Полагаем, что подобные выводы делаются вследствие не совсем верного понимания природы основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ.

В правоприменительной практике имеются примеры, когда суды не усматривают состава преступления в действиях лица, совершившего побег, в условиях, когда в последующем применение государственного принуждения к данному лицу было признано незаконным¹.

Несколько иной представляется ситуация, когда на момент побега имелись законные основания для содержания лица под стражей либо отбывания им наказания в местах лишения свободы, однако в последующем уголовное производство в отношении такого лица прекращено по реабилитационным основаниям.

¹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по рассмотрению уголовных дел в кассационном и надзорном порядке в 1995 году // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 8; Судебная практика Верховного суда Республики Татарстан за 3 кв. 2003 г. // Правосудие в Татарстане. 2003. № 3.

литерирующим основаниям или вынесен оправдательный приговор по делу, по которому данное лицо было осуждено к лишению свободы, заключено под стражу или задержано. Например, в соответствии со ст. 355 УК Армении в подобной ситуации лицо, совершившее побег, подлежит освобождению от уголовной ответственности. В отечественной доктрине в некоторых источниках встречается мнение, что не относятся к субъектам лица, незаконно осужденные, либо лица, к которым мера пресечения избрана незаконно [3, с. 858–859]. Мнение, что незаконно осужденные не являются субъектами побега, при этом широкого распространения в доктрине не получило.

С учетом изложенного объект преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, непосредственным образом связан с интересами правосудия и не находится в сфере общественных отношений, характеризующих порядок управления.

Некоторые авторы, по нашему мнению, наоборот, определяют основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, чрезмерно широко, например, как «общественные отношения, регулирующие реализацию уголовной ответственности и применение к лицу, виновному в совершении преступления, различных мер государственного принуждения уголовно-правового, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного характера» [4, с. 7]. Не совсем ясно, что в данном случае понимается под мерами государственного принуждения уголовно-исполнительного характера и какое отношение эти меры имеют к осуществлению правосудия. Например, вряд ли меры принуждения, которые могут быть применены к лицу, нарушившему Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений или Правила внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы), утвержденные приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110², можно рассматривать как средства достижения целей правосудия. Ввиду того что правила внутреннего распорядка утверждены подзаконным актом, применение соответствующих мер принуждения в данном случае, как представляется, осуществляется в целях обеспечения установленного порядка управления.

Таким образом, при таком подходе в основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, необоснованно включаются в том числе общественные отношения, характеризующие порядок управления.

² См.: Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 (ред. от 27.01.2025) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.07.2022 № 69157) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.07.2025).

При изучении основного непосредственного объекта побега необходимо учитывать, что ст. 313 УК РФ предусматривает несколько самостоятельных разновидностей побега. Их можно разделить на две группы – побег, совершаемый в ходе уголовного судопроизводства, и побег, совершаемый в процессе исполнения или отбывания наказания. Некоторые специалисты, рассматривающие побег как посягательство против правосудия, как правило, учитывают обозначенное обстоятельство при определении основного непосредственного объекта рассматриваемого преступления.

Например, О. А. Буркина и В. А. Ситдикова отмечают, что основным непосредственным объектом посягательства преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, выступают общественные отношения, характеризующие нормальную деятельность «органов правосудия по исполнению наказания в виде лишения свободы, а также деятельность органов предварительного расследования (дознания и предварительного следствия) по реализации задержания подозреваемого и такой меры пресечения, как заключение под стражу, в отношении подозреваемого или обвиняемого в качестве необходимого условия для обеспечения уголовного преследования и правосудия» [5]. Нет оснований полагать, что авторы придерживаются концепции полноты судебной власти³, в связи с чем учреждения и органы, исполняющие наказание, отнесены ими к органам правосудия [6, с. 189]. Под органами правосудия авторы понимают непосредственно суды [7, с. 66]. Таким образом, по мнению авторов, побег фактически посягает на общественные отношения, характеризующие нормальную деятельность органов правосудия и органов, способствующих осуществлению правосудия.

Аналогичной позиции придерживаются А. С. Горелик и Л. В. Лобанова, которые также разделяют основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, на две группы: (1) общественные отношения, характеризующие обязательность судебных актов в части отбывания осужденными ареста, лишения свободы, и (2) общественные отношения, характеризующие обязательность для подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления процессуальных актов, посредством которых к данным лицам применимы меры государственного принуждения и пресечения в виде задержания или заключения под стражу [8, с. 441–442].

Необходимо отметить, что «обязательность» итоговых судебных актов и «обязательность» процессуальных актов, посредством которых к подозреваемым (обвиняемым) применимы меры государственного принуждения и пресечения в виде задержания или заключения под стражу, не равнозначны.

³ Согласно данной концепции судебная власть должна обладать необходимыми полномочиями для контроля за всем ходом уголовного судопроизводства, включая деятельность других органов, которые в институциональном плане не относятся к судебной власти (при этом являются ее частью в функциональном плане).

В первом случае речь идет об обязательности судебных актов (приговоров), что непосредственным образом связано с авторитетом правосудия. В случае побега из мест лишения свободы осужденный пытается уклониться от исполнения приговора [9, с. 14], чем ставит под сомнение принцип обязательности судебных решений. Таким образом, по нашему мнению, рассматриваемый вид побега посягает на общественные отношения, характеризующие статику процесса (авторитет правосудия) [10, с. 145–153].

Однако мы полагаем, что подобная логика не применима, когда речь идет об обязательности процессуальных актов, посредством которых к подозреваемым (обвиняемым) применяются меры государственного принуждения и пресечения в виде задержания или заключения под стражу.

Мнение об умалении авторитета органов предварительного расследования вследствие невыполнения участниками процесса их законных требований, оформленных в форме, предусмотренной законодательством, представляется несколько надуманным [11, с. 63–64].

Административные органы наделены целым арсеналом средств принуждения, чтобы добиться от участников уголовного судопроизводства выполнения своих законных требований в случае их неисполнения. В этом аспекте мы не можем ставить знак равенства между обязательностью приговора и, например, обязательностью решения дознавателя (следователя) о задержании подозреваемого в порядке ст. 91–96 УПК РФ.

В случае побега задержанного или лица, в отношении которого выбрана мера пресечения в виде заключения под стражу⁴, такое лицо, по нашему мнению, не посягает на авторитет органов предварительного расследования, а пытается воспрепятствовать осуществлению их деятельности.

Таким образом, в данном случае осуществляется посягательство уже на динамику процесса.

В практическом плане разделение основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, в зависимости от вида побега может привести к различному ответу на вопрос об уголовной ответственности лица, совершившего побег из места лишения свободы, но в последующем оправданного по «основному делу» (после проверки первоначального приговора вышестоящими судебными инстанциями), и лица, находящегося в предварительном заключении, совершившего побег, уголовное преследование по «основному делу» в отношении которого в последующем прекращено по реабилитирующим основаниям либо вынесен оправдательный приговор.

Вынесение оправдательного приговора (после проверки первоначального приговора вышестоящими судебными инстанциями) говорит о том, что в местах лишения свободы находилось невиновное лицо. Оправдатель-

⁴ В данном случае мы не рассматриваем ситуацию, когда в следственном изоляторе находится осужденный, которому избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в ходе расследования иного уголовного дела.

ный приговор по большому счету свидетельствует о том, что законных оснований для нахождения этого лица в месте лишения свободы не имелось, пусть даже это было установлено уже после совершения данным лицом побега. Если мы признаем, что при побеге осужденного из места лишения свободы причиняется ущерб общественным отношениям, характеризующим авторитет правосудия, то в рассматриваемой ситуации данному объекту ущерб не наносится в силу незаконности самого первоначального обвинительного приговора. Поэтому данное лицо не должно привлекаться к уголовной ответственности ввиду отсутствия состава преступления.

Так, в одном из судебных решений было указано следующее.

Суд полагает, что «ФИО14» не может являться субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 313 УК РФ, в связи с тем, что вынесенное постановление Октябрьского райсуда о замене «ФИО14» условного наказания на реальный срок Судебной коллегией по уголовным делам было признано незаконным и отменено, производство по делу прекращено, уголовно-исполнительной инспекции отказано в удовлетворении представления.

Не являются субъектами данного преступления лица, незаконно осужденные, либо лица, в отношении которых мера пресечения была избрана незаконно.

Состав преступления, предусмотренный ст. 313 УК РФ, отнесен законодателем к преступлениям против правосудия.

Отнесение деяния, предусмотренного ст. 313 УК РФ, к преступлениям против правосудия исключает квалификацию по данной статье действий лиц, находящихся в местах лишения свободы или под стражей без законных на то оснований⁵.

Иная ситуация, когда совершает побег лицо, находящееся в предварительном заключении. Меры принуждения в уголовном судопроизводстве необходимы для обеспечения надлежащего поведения его участников. Решение о задержании или заключении под стражу может приниматься следователем (дознавателем) на начальных этапах предварительного расследования на основе тех доказательств, которые имеются в его распоряжении на момент принятия соответствующего решения. Факт последующего прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого) по реабилитирующим основаниям не означает, что решение о его задержании либо заключении под стражу было необоснованным или незаконным. Поэтому если мы признаем, что при данном виде побега осуществляется воспрепятствование правосудию и наносится ущерб общественным отношениям, характеризующим процесс нормального осуществления уголовного судопроизводства, то в рассматриваемой ситуации данному объекту ущерб юридически нанесен. В описанной ситуации можно гово-

⁵ Приговор Октябрьского районного суда г. Новороссийска Краснодарского края от 19.11.2013 по делу № 1-335/2013. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--plai/27661592/extended> (дата обращения: 24.07.2025).

речь лишь о возможности освобождения такого лица от уголовной ответственности, но не об отсутствии в его действиях состава преступления.

На практике в законодательстве некоторых стран, как было отмечено выше, в обоих случаях вне зависимости от вида побега указано, что лицо при указанных обстоятельствах должно быть освобождено от уголовной ответственности.

Таким образом, дифференцированный подход к определению основного непосредственного объекта побега может влиять на вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, его совершивших.

Ссылки

1. Гарафутдинов М. Р. Ответственность за побег из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи по уголовному праву Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук. Казань, 1995. 246 с. EDN NLHSUP
2. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2022 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Козаченко И. Я., Незнамова З. А., Новоселов Г. П. Уголовное право. Особенная часть: учеб. для вузов. М., 2008. 1008 с.
4. Жуйков А. Л. Уголовная ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи: автореф. дис..... канд. юрид. наук. Новгород, 2008. 22 с. EDN NKMIFB
5. Буркина О. А., Ситдикова В. А. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: проблемы отграничения от смежных составов преступлений // Российский следователь. 2014. № 16. С. 20-23. EDN SNANKZ
6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. 607 с.
7. Мельников Е. А. Уголовное преследование в системе разделения властей (досудебное производство): монография. М., 2019. 168 с. EDN YURGQX
8. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб., 2005. 491 с. EDN TKIAWZ
9. Рашковская Ш. С. Преступления против правосудия. М., 1979. 104 с.
10. Мельников Е. А. Процессуальный критерий систематизации преступления против правосудия: посягательства на статику и динамику процесса. Обоснование выбора критерия // Международный научный вестник. 2025. № 4. С. 145-153. DOI 10.24412/2782-3849-2025-4-145-153
11. Друзин А. И. Предупреждение преступлений против правосудия, совершаемых лицами, отбывающими наказание (криминологические и уголовно-правовые аспекты). Ульяновск, 2003. 125 с. EDN QVSDZB